

А.В. Уржа (Москва, Россия)

Прагматические и семантические эффекты интерпретирующей деривации в русских неопределенно-личных предложениях¹

Аннотация: В статье рассматриваются взаимосвязанные прагматические и семантические эффекты интерпретирующей актантной деривации, представленной в русских неопределенно-личных предложениях, где неназванный протагонист приобретает специфические референциальные характеристики. В фокусе исследования – дейктические, эвиденциальные и аксиологические смыслы, трансляция которых ведет к формированию прагматики отчуждения, интриги или дефокусирования в высказываниях с неопределенно-личными конструкциями.

Ключевые слова: неопределенно-личное предложение, интерпретирующая актантная деривация, семантика, дейксис, эвиденциальность, прагматика, перевод

A.V. Urzha (Moscow, Russia)

Pragmatic and Semantic Effects of Interpretative Derivation in Russian Indefinite-Personal Sentences

Abstract: The paper presents the results of the research in semantics and pragmatics of Russian indefinite-personal sentences as cases of interpretative actantial derivation: the omitted protagonist in these sentences acquires specific referential features. The study is focused on deixis, evidentiality and evaluation expressed in Russian indefinite-personal sentences. These meanings create special pragmatic effects, such as estrangement, suspense and defocusing.

Key words: indefinite-personal sentence, interpretative actantial derivation, semantics, deixis, evidentiality, pragmatics, translation

В современной лингвистике интерпретирующая деривация рассматривается как разновидность актантной деривации, и сопряжена она не с увеличением или уменьшением количества обязательных участников ситуации, названной предикатом, а с изменением их референциальных характеристик [Плунгян 2000: 214; Петрухина, Карпиловская 2021]. Неопределенно-личные предложения в этом плане – один из интереснейших синтаксических объектов. А.М. Пешковский го-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>

ворил, что неопределенно-личные предложения, наряду с обобщенно-личными, представляют «две особые разновидности категории лица в русском языке» и, соответственно, «две особые формы мышления говорящего по-русски человека» [Пешковский 2001: 342]. Эти древние конструкции используются носителями языка разного возраста и в книжной, и в разговорной речи с большим количеством прагматических нюансов, которые позволяют применять их в рамках разных речевых стратегий. Субъект действия или состояния в неопределенно-личных предложениях наличествует, однако не называется (в отличие от двусоставных предложений типа *За окном поет соловей*), при этом референция грамматического показателя глагольной формы в третьем лице и/или множественном числе (*За окном поют*) осуществляется к протагонисту со специфическими характеристиками: это лицо или группа лиц, не определенная говорящим по некоторым причинам (мы подробно рассмотрим их ниже). Принадлежность к группе средств интерпретирующей актантной деривации наделяет неопределенно-личные предложения массой свойств, которые позволяют использовать их в манипулятивных целях: умалчивать, устанавливать границы, воздействовать на адресата, поскольку при формальной бессубъектности они активно транслируют субъективную семантику. Е.В. Падучева отмечала, что важной особенностью протагониста неопределенно-личных предложений, не позволяющей приравнять его к неопределенному местоимению *он/они*, является «понижение в коммуникативном ранге» [Падучева 2012: 27, 32]. В современных СМИ неопределенно-личное предложение – это излюбленная конструкция в заголовках, поскольку она позволяет маркировать эвиденциальный статус информации с желаемой степенью конкретности / неконкретности; например: *В Госдуме пообещали, что тарифы на газ не повысят; В Европе доказали, что вирус SARS-Cov-2 создали в лаборатории*. Журналист получает возможность избегать уточнений, создавать интригу, побуждать читателя прочесть текст.

Неопределенно-личным предложениям (НЛП) посвящен обширнейший пласт научной литературы, от Ф.И. Буслаева и А.А. Потемни, А.А. Шахматова и В.В. Виноградова до современной академической корпусной грамматики и новейших отечественных и зарубежных статей, однако граница между семантическими и прагматическими характеристиками этих конструкций остается зыбкой. Я.Г. Тестелец обращает внимание на то, что российские лингвисты скорее склонны расширительно трактовать семантику, а их западные коллеги – прагматику, говоря о языковом представлении ситуации с помощью НЛП на фоне других конструкций [Тестелец 2001: 417]. И действительно, одни и те же феномены (отчуждение, умолчание) могут определяться как компонент значения или как функция НЛП. Так, с одной стороны, исследователи говорят о «семантике несущественности» (Падучева 2012: 31), «значении отчуждения» (Булыгина, Шмелев 1997: 341, 346), «эксклюзивности, исключенности говорящего из круга действующих лиц» [Золотова и др. 1998: 116] как о смысловых характеристиках неопределенно-личных предложений. С другой стороны, эти же черты относятся к прагматике конструкций. Например, современная академическая корпусная грамматика отмечает: «Прагматическая характеристика неопределенно-личных предложений представлена понятием “дистанцированности” (эксклюзивности, исключенности *Я* из состава субъекта неопределенно-личного предложения)» [Никитина 2011].

На наш взгляд, для более детального изучения семантики и прагматики неопределенно-личных предложений необходимо сфокусироваться на спектре модусных

смыслов, которые они транслируют. Среди таких смыслов – неизвестность протагониста, его неважность, нежелательность упоминания и т. п. По Ч. Моррису, семантика описывает отношение знаков к объектам, а прагматика представляет отношение говорящих к знакам [Моррис 1982]. Согласно идеям Ш. Балли, модус возникает в результате коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом по отношению к представлению [Балли 1955: 44]. Таким образом, модусная семантика языкового элемента воплощает определенное отношение к описываемой ситуации, тогда как прагматика позволяет говорящему с помощью это модусной семантики достичь определенного эффекта в высказывании: сообщить о намерении, переместить акцент, привлечь внимание и т. п.

Изучение соотношения модусной семантики и прагматики неопределенно-личных предложений может быть направлено на две задачи: на выявление факторов, формирующих их прагматику, и на определение того, с какими языковыми элементами взаимодействуют НЛП при ее реализации. Для такого исследования удачным материалом могут оказаться не только оригинальные источники, но и русские переводы с языков, в которых подобных конструкций нет, например с английского [Уржа 2009]. Выбор переводчиком неопределенно-личного предложения при отсутствии соответствующей конструкции в языке оригинала априори не может быть калькой, он помогает реализовать в создаваемом тексте определенную семантику и прагматику, которые, как мы отметили выше, и являются объектом нашего интереса.

В результате исследования были выявлены три группы модусных смыслов, возникающие в ходе интерпретирующей деривации и сопровождающие употребление неопределенно-личных предложений в оригинальных и переводных русских текстах.

Первая группа смыслов связана с формированием дейктического противопоставления Я – ОНИ и реализацией прагматики отчуждения. Лингвисты давно отмечают, что предложениям с неопределенно-личной семантикой свойственно акцентировать так называемую «исключенность говорящего» из круга действующих лиц. Вектор здесь задает, по-видимому, грамматический признак – окончание третьего лица или невозможность использования окончаний первого и второго лица. Т.В. Булыгина пишет: «Во всех случаях референция производится к “посторонним”, к лицам, из числа которых исключается протагонист» [Булыгина, Шмелев 1997: 341]. Интересно, что оппозиция Я – ОНИ в данном случае актуализирует традиционное противопоставление СВОЕ – ЧУЖОЕ. Б.Ю. Норман замечает: «личная сфера изначально оценивается говорящим положительно: как правило, ‘то, что связано со мною, – хорошо’» [Норман 2009: 46]. ЧУЖОЕ начинает осмысляться как чуждое. Но, как обычно бывает на уровне прагматики, используется семантика не изолированного элемента, а связки элементов, которые могут формировать нужный эффект. Реализация прагматики отчуждения при помощи неопределенно-личных предложений регулярно поддерживается эгоцентриками с оценочно-эмотивной семантикой: *Она навстречу. Как сурова! Его не видят, с ним ни слова* (А.С. Пушкин); *Слушали меня холодно, глядели отчужденно* (Н. Ильина).

Переводчики нередко активизируют прагматику отчуждения, когда речь в сюжете произведения заходит о враждебных героях персонажах. Например, в сказке О. Уайльда «Счастливый принц» автор противопоставляет бескорыстному, доброму Принцу меркантильных горожан, сначала воздвигших ему памятник, а затем снесших его. Обратим внимание на то, что Корней Чуковский, переведивший

сказку на русский язык, воспользовался именно неопределенно-личными предложениями, для того чтобы воссоздать этот конфликт: *И вот теперь, когда я уже неживой, меня поставили здесь, наверху, так высоко, что мне видны все скорби и вся нищета моей столицы.* (Ср.: *And now when I am dead they have set me up here so high that I can see all the ugliness and all the misery of my city.*) *И свергли статую Счастливого Принца.* (Ср.: *So they pulled down the statue of the Happy Prince.*)

Неудивительно, что рядом с НЛП в подобных фрагментах обнаруживается лексика со значением отрицательной оценки, негативных эмоций (*скорби, нищета, неживой, свергли*). Переводчик подчеркивает авторский прием: читатель должен пожалеть отвергнутого героя.

Вторая группа смыслов, транслируемых неопределенно-личными предложениями, указывает на низкий эвиденциальный статус предлагаемой информации и нацелена на создание прагматики саспенса, интриги. Говорящий может не называть протагониста потому, что его знания о ситуации неполны, он передает нам свою неуверенность в сообщаемом. В таких контекстах НЛП сопровождают неопределенные местоимения и наречия, а также вводно-модальные обороты со значением низкой степени уверенности. Такая прагматика оказывается актуальной для детективов или «готических» романов, переводчики которых активно используют НЛП. Сравним с оригиналом фрагмент из перевода романа А. Конан Дойла «Собака Баскервильей», выполненного советской переводчицей Натальей Волжиной: *Спустя долгое время, сквозь легкий сон, до меня донеслось, как где-то повернули ключ в замке, но откуда шел этот звук, определить было трудно.* (Ср.: *Long afterwards when I had fallen into a light sleep I heard a key turn somewhere in a lock, but I could not tell whence the sound came.*)

Появление неопределенно-личного предложения в переводе не случайно, оно так же, как и в рассмотренной выше версии К. Чуковского, усиливает авторский прием, в данном случае – создание атмосферы таинственности, загадки.

Третья группа смыслов, передаваемых неопределенно-личными предложениями, сопряжена с трансляцией приоритетов говорящего, т.е., в конечном счете, с оценкой. Как известно, оставляя протагониста неопределенным, мы можем таким образом подчеркивать, что считаем его не стоящим упоминания. Для этого используется такой компонент интерпретирующей деривации, как понижение коммуникативного ранга агенса. *Жена приготовит мне ужин.* → *Когда мне приготовят ужин?* Е.В. Падучева и Е.Н. Никитина справедливо отмечают, что в текстах XIX в. НЛП активно используются при обозначении действий слуг, подчиненных, которые как бы «не имеют личностных, индивидуальных черт <...>, уподобляются инструменту, обслуживающему героя» [Никитина 2014: 51]: *Несут на блюдечках варенья* (А.С. Пушкин); *Вам, князь, подвязывали салфетку за кушаньем?* (Ф.М. Достоевский). Такой оценочный смысл связан с прагматикой дефокусирования, в европейских языках он передается с помощью пассивного залога, поскольку это грамматическое средство также позволяет понизить протагониста в коммуникативном ранге вплоть до пропуска его номинации.

Именно поэтому в русских переводных текстах неопределенно-личные предложения являются распространенным способом передачи английских пассивных конструкций. Приведем типичный пример из рассказа Эдгара По «Прыг-Скок»: *На короля и его министров прежде всего надели плотно прилегающие белые балахоны из полушерстяной материи.* (Ср.: *The king and his ministers were first encased in tight-fitting stockinet shirts and drawers.*)

Прагматическая окраска неопределенно-личных предложений может комбинировать дефокусирование, отчуждение и интригующую недосказанность, а может акцентировать лишь один из этих аспектов. Нередко модусные смыслы реализуются в комбинации: деятель предстает одновременно как чуждый и неизвестный для носителя точки зрения, или чуждый и при этом нерелевантный для сообщения, или неизвестный и игнорируемый говорящим. Интересно, что в разных контекстах мы можем прочитывать НЛП с разной окраской. Например, предложение *Говорят, вирус COVID-19 имел искусственное происхождение* можно продолжить по-разному:

Говорят, вирус COVID-19 имел искусственное происхождение. Может быть, никто никогда не узнает наверняка.

В этом случае актуализированным семантическим компонентом оказывается незнание говорящим и адресатом полной картины происходящего. Вот почему далее в высказывании появляется показатель низкой степени уверенности *может быть*.

Говорят, вирус COVID-19 имел искусственное происхождение. Но я так не думаю.

В такой версии говорящий конструирует оппозицию Я – ДРУГИЕ, указывая на несовпадение своего мнения с представленным.

Итак, можно ли выделить для всех неопределенно-личных предложений общий семантический и прагматический прототип? На уровне семантики среди лингвистов есть согласие – в НЛП речь всегда идет о лице, которое говорящий не считает нужным называть по тем или иным причинам. На уровне прагматики можно выдвинуть гипотезу, что речь всегда идет об установлении определенной границы – между говорящим и действующими лицами, между известным и неизвестным, между стоящим и не стоящим внимания.

Отдельного исследования заслуживают предложения с генерализованным протагонистом типа *Цыплят по осени считают*, транслирующие деонтическую модальность и побуждающие адресата к восприятию, а возможно, и принятию определенной модели поведения, а также инициальные (открывающие нарратив) предложения типа *В половине девятого утра выехали из города*, где, как пишет М.Ю. Сидорова, наблюдается интимизация повествования [Сидорова 2011: 114]. Инвариант установления границы обнаруживается и здесь: конструкции первого типа противопоставляют всех лиц, потенциально принимающих предложенную модель поведения (*Здесь не курят*), адресату, которому нужно это почувствовать и поступить соответственно. Предложения второго, интимизирующего типа «в тесном кругу» объединяют говорящего и адресата, противопоставляя их остальным, не «посвященным» в подробности повествования.

Несмотря на описанное разнообразие модусных смыслов, которые способны транслироваться с помощью русских неопределенно-личных предложений, единое семантическое и прагматическое ядро в их комплексе может быть выделено, как показывает исследование. Эта информация будет востребована как в обучении иностранцев корректному использованию подобных конструкций, так и при освоении будущими переводчиками приемов воссоздания специфической прагматики оригинала в русских переводах художественных и нехудожественных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 536 с.

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика: Сб. переводов / Под ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1982. С. 37–89.

Никитина Е. Н. Другие в синтаксической конструкции, в образной системе и в развитии сюжета // Gramatyka a tekst / Eds.: H. Fontański, J. Lubocha-Kruglik. Т. 4. Katowice, 2014. С. 45–61.

Никитина Е. Н. Неопределенно-личные предложения. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). М., 2011. (На правах рукописи.)

Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. Минск: БГУ, 2009. 183 с.

Падучева Е. В. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 27–41.

Петрухина Е. В., Карпиловская Е. Derivation // Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online / Editor-in-Chief: Marc L. Greenberg. Brill, 2021.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: УРСС, 2001. 432 с.

Плунгян В. А. Общая морфология. М.: УРСС, 2000. 384 с.

Сидорова М. Ю. Неопределенно-личность в поэтике Чехова // Gramatyka a tekst / Eds.: H. Fontański, J. Lubocha-Kruglik. Т. 3. Katowice, 2011. С. 100–115.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 798 с.

Уржа А. В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. М.: Спутник+, 2009. 293 с.

REFERENCES

Bally Ch. (1955) General Linguistics and Questions of the French Language. Moscow. Izdatelstvo Inostrannoy literatury Publ. 416 p.

Bulygina T.V., Shmelev A.D. (1997) Linguistic Conceptualization of the World (on the material of Russian grammar). Moscow. Shckola “Jazyki Russkoj Kultury” Publ. 576 p.

Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. (1998) Communicative Grammar of the Russian Language. Moscow. Moscow State University Press. 536 p.

Morris Ch. Foundations of the Theory of Signs. In: Semiotics: Collection of translations / Ed. by Yu.S. Stepanov. Moscow. Raduga Publ. 1982, pp. 37–89.

Nikitina E.N. Others in the Syntactic Construction, in the Figurative System and in the Development of the Plot. In: Gramatyka a tekst / Ed. by H. Fontański, J. Lubocha-Kruglik. Vol. 4. Katowice. 2014, p. 45–61.

Nikitina E.N. Indefinite-personal Sentences. Materials for the project of corpus description of Russian grammar (<http://rusgram.ru>). Moscow, 2011. (As a manuscript.)

Norman B.Y. (2009) Linguistic Pragmatics (on the material of Russian and other Slavic languages): A course of lectures. Minsk. Belarusian State University Press. 183 p.

Paducheva E.V. Indefinite-personal Sentence and Its Implied Subject. *Voprosy Jazykoznanija*. 2012. No 1, pp. 27–41.

Petrukhina E.V., Karpilovskaya E. Derivation. In: *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online* / Editor-in-Chief: Marc L. Greenberg. Brill. 2021.

Peshkovsky A.M. (2001) *Russian Syntax in Scientific View*. Moscow. URSS Publ. 432 p.

Plungian V.A. (2000) *General Morphology*. Moscow. URSS Publ. 384 p.

Sidorova M.Yu. Indefiniteness of the Person in Chekhov's Poetics. In: *Gramatyka a tekst* / Ed. by H. Fontański, J. Lubocha-Kruglik. Vol. 3. Katowice. 2011, pp. 100–115.

Testelec J.G. (2001) *Introduction to General Syntax*. Moscow Russian State University for the Humanities Press. 798 p.

Urzha A.V. (2009) *Russian Translated Literary Text from the Standpoint of Communicative Grammar*. Moscow. Sputnik+ Publ. 293 p.

Сведения об авторе:

Анастасия Викторовна Уржа,
доктор филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anastasia V. Urzha,
Doctor of Philology
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
English2@yandex.ru